

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

ЕЖОВУ Н.И.

арестованного Якира Ионы
Эммануиловича.

31-го мая мною подано на Ваше имя заявление, в котором я признался в своем руководящем участии в право-троцкистском военном заговоре, ставившем своей задачей государственный переворот и поражение СССР.

Ниже в своих собственноручных показаниях я изложу все обстоятельства военного заговора, расскажу о моей предательской работе и о других известных мне заговорщиках.

Прежде чем перейти к изложению моих показаний, я кратко изложу путь, по которому пришел к самому гнусному предательству.

Осенью 1921 г. я был назначен командующим Киевского военного округа. В гражданских и военных организациях Киева было много троцкистов. Я, стоя тогда на ленинских позициях, вел с троцкистами в Киеве борьбу, но относился к ним явно либерально и примиренчески.

Одной из основных причин такого моего поведения было то, что со многими из них я был связан по гражданской войне: Голубенко, Логинов, Гердовский, Охотников, Примаков, Кузьмичев и многие другие.

В 1924 г. на этой либерально-примиренческой основе я поставил в Киевском губкоме вопрос о том, что секретарь губкома Варейкис слишком жестко подходит к троцкистам, многих выгоняет, что надо с этими киевскими троцкистами быть помягче и приблизить их к партии.

В 1927 году я проявил примиренчество и либерализм к тем же кадровым троцкистам: Голубенко, Логинову и Лившицу, категорически возражая против резких мер и их арестов, высказываясь лишь за высылку.

По возвращении Голубенко, Лившица и Логинова из ссылки, я попрежнему поддерживал с ними хорошие отношения. Такие же отношения были у меня с рядом других военных троцкистов: Примаковым, Путна, Шмидтом, Гарькавым, Туровским. Последние двое были скрытыми троцкистами.

Работая на Украине очень долго, я приблизил к себе ряд командиров - "своих людей", которых особо поддерживал в работе, продвигая и приближая к себе. В числе этих "своих" были и бывшие троцкисты.

Уже в 1931-1932 г.г. началось мое сближение с Тухачевским и Уборевичем. Сближение началось на почве общих интересов специального военного характера и недовольства работой Наркомата Обороны и руководства Красной армии. Несмотря на ряд споров и настороженного отношения друг к другу, у нас троих установились хорошие отношения. Тухачевский и Уборевич были в близких отношениях и раньше.

В период наметившегося сближения с Тухачевским и Уборевичем, у меня уже появились большие политические колебания. Трудности колхозного строительства в 31-32 г.г. и последующий недород на Украине вызвали во мне ряд серьезных сомнений в прочности советского государства. Красноармейцы получали огромное количество писем из села о голоде. При поездках по районам я видел развал хозяйства и результаты тяжелого недорода; положение в стране, на селе в частности, действовало на меня так, что я в тот период стал на путь двурушничества: внешне я продолжал стоять на позиции ЦК, внутренне - сомневался в правильности политики.

Тогда, в 1932 году, я неоднократно встречался с Голубенко и Лившицем, которые - сперва неопределенно, намеками, говорили мне о своих недовольствах политикой партии, о якобы отрицательных настроениях рабочего класса и о том, что бывшие троцкисты и правые остро недовольны политикой на селе. При этом они указывали на Логинова, Коцюбинского, Пятакова, Бухарина и других видных оппозиционеров, которые не согласны с политикой партии. Я прислушивался к этим антисоветским разговорам и отмалчивался.

В 1933 году Тухачевский, зная мои колебания по вопросам политики партии на селе, о моих связях с бывшими троцкистами, после предварительного прощупывания сообщил, что он связан с Троцким, по директиве которого организует военный заговор и предложил мне принять участие в нем. Я дал Тухачевскому согласие, после чего он сказал мне, что во главе заговора стоит он, что имеется военный центр, в состав которого он предлагает мне войти. Я согласился войти в состав центра.

В этом разговоре Тухачевский сообщил мне, что в центр военного заговора входит и Уборевич, с которым он недавно имел по этому поводу разговор.

Тухачевский сказал о полученной им директиве Троцкого, в которой перед центром военного заговора ставились следующие задачи:

1. Организация переворота в Москве, на Украине и в ряде других пунктов Советского Союза, с целью захвата власти.

2. На случай, если государственный переворот не удался бы, — организовать поражение Красной армии в войне с польско-германским блоком и соответственно с этим подготовить театр военных действий и войска.

3. Организовать вредительство в Рабоче-Крестьянской Красной армии, как материально-техническое, так и в боевой подготовке.

4. Независимо от непосредственной связи Троцкого с германским генеральным штабом и фашистским правительством, военному центру надлежало организовать эту связь самостоятельно.

5. Соблюдать строжайшую конспирацию и ни в коем случае не связываться с существующими параллельными троцкистскими организациями.

После этого Тухачевский указал мне на то, что к работе центра, помимо нас, привлечен еще Корк. Он рассказал, что отдельно он будет направлять работу ряда ответственных командиров — начальников центральных управлений, назвав мне при этом, как участников заговора, начальника Артиллерий-

ского управления Ефимова, начальника Главного управления Бельдмана, Путна, и некоторых других, фамилии которых сейчас не помню.

Тухачевский, придавая исключительное значение роли Украины и войск Украинского военного округа, обратил мое внимание на необходимость подбора надежных кадров для вовлечения в заговор и расстановки их на решающих участках, подчеркивая, что наличие у меня больших связей с людьми и большое знание Украины требует с моей стороны активной работы для дела заговора.

Через короткое время, при следующем моем приезде в Москву, на квартире у Тухачевского состоялась новая беседа Тухачевского со мной и Уборевичем. Из характера самой беседы я убедился, что Уборевич уже в курсе директив Троцкого и плана работы военного центра.

В результате этой беседы мы установили, что количество людей, вовлекаемых в антисоветский право-троцкистский военный заговор, увеличивается, что работа разворачивается как в Москве, так и на Украине и в Белоруссии. В этой беседе Тухачевский особо отметил исключительное значение Правобережья. Он указал нам, что понижение боеспособности правобережных укрепленных районов имеет исключительное значение. Я доложил о том, что мною приняты первоначальные меры к вербовке людей и что мною уже завербованы: командир 14-го стрелкового корпуса Туровский и начальник инженеров Киевского военного округа Лапин. Я указал, что Лапин связан с большой группой военных инженеров - быв. зиновьевцев, работающих в укрепленных районах Киевского военного округа. Кроме того, я сделал сообщение о положении на Украине, при котором я доложил о слабости партийного руководства на Украине и ряде трудностей, в связи с этим возникающих в работе коллектива Украинского центрального комитета.

Уборевич кратко доложил о том, что приступил к работе над людьми в Белоруссии. Не помню, во время ли этой встречи, или на очередной, но помню хорошо, что был и Уборевич,

Тухачевский сообщил нам, что он имел встречу с Пятаковым, во время которой они друг другу дали понять, что ведут общую работу.

После первой же встречи с Тухачевским и Уборевичем, я развернул на Украине работу по вербовке участников заговора.

Возможно я не буду вполне точен в датах каждой вербовки и не изложу их в хронологическом порядке, но укажу здесь кого я разновременно завербовал.

Я уже показывал, что первыми я завербовал Туровского и Лапина.

Туровского я хорошо знал как бывшего командира из корпуса червонных казаков Примакова. Знал его колебания в политических вопросах, хотя он внешне вел себя так, как сторонник генеральной линии партий. Знал также его недовольство руководством Красной армии. После короткого предварительного разговора я увидел, что можно без риска открыто с ним говорить. Происходило это, насколько я помню, или в моем вагоне, или в Киевском доме Красной армии, после военной игры. Туровский дал свое согласие. У меня создалось такое впечатление, что и до нашего разговора он кое в чем был осведомлен, возможно, Примаковым.

Лапина я знал как бывшего зиновьевца. С ним я имел разговор в моем кабинете дважды. Во второй раз я, не говоря ему о центре и заговоре, предложил связаться и прощупать значительную группу военных инженеров — работников укрепленных районов Киевского военного округа. В большинстве это были его однокашники по Военно-инженерной академии, в прошлом зиновьевцы: начальник инженеров Жуков, Сокульников, Максимов, Тибилев и другие.

Позже, я завербовал в нашу организацию военного заговора начальника противовоздушной обороны Киевского военного округа Швачко, командира 1-й кавалерийской дивизии Никулина, помощника начальника военных сообщений Кобяка, начальника штаба 6-го корпуса Смирнова, командира 17-го корпуса Гермониуса и коменданта Летичевского укрепленного района Саблина.

Я имел две беседы с Шмидтом, не знаю можно ли считать, что я его завербовал, ибо он сам имел уже связи и входил в троцкистскую организацию.

Вербовка мной Гермониуса происходила следующим образом: я знал, что Гермониус сын генерала, эмигрировавшего с белыми во Францию; знал, что он голосовал за Троцкого в 1921-23 г.г., знал также его антисоветские разговоры и окружение. Поэтому, при одной из поездок по войскам, зайдя после учения к нему на квартиру, я рядом наводящих вопросов прощупал его. На этот раз у меня не вышло ясного впечатления о его согласии. Через две недели у меня в кабинете после служебного доклада я более определенно поставил перед ним вопрос о подготовке кадров для военного заговора и о его участии в этом деле. На этот раз он дал свое согласие.

При вербовке Гермониуса, также как и при вербовке Туровского и Саблина, я обосновывал необходимость борьбы с существующим строем в связи с неправильной политикой советского правительства и партии в крестьянском вопросе и неустойчивостью положения советской власти в свете резкого усиления германского фашизма.

В этом разговоре я указал им на то, что существующая в Москве организация установила связь с Троцким, имеющим в свою очередь близкие и непосредственные отношения с германским генеральным штабом и правительством. Я поставил перед ними задачи вербовки членов нашего антисоветского военного заговора из числа командиров их соединений. Особенно я указывал Туровскому на то, что при его связях он может развернуть большую работу. Саблину я указал на особое значение Летичевского укрепленного района на случай наступления немцев на Правобережье и предложил ему через своих инженеров разработать вопрос о понижении боеспособности укрепленного района, особенно его правого фланга.

Кроме того, всем основным людям заговора при вербовке я ставил задачу организации вредительства как материального, так и в боевой подготовке.

Значительное количество командиров Киевского военного округа я не посвящал в существование заговора, ибо рассчитывал на них лично в полной мере и полагал, что они итак будут выполнять мои указания, как командующего и будучи, посвящены в последнюю минуту, поддержат дело заговора, безгранично мне доверяя.

В дальнейшем, при своих больших связях успешную вербовку людей развернули Туровский, Саблин и др., о чем они меня информировали при встречах. В частности, Туровский говорил о том, что ему удалось завербовать командира 7-й стрелковой дивизии Белого; Саблин завербовал своего инженера Тибилова и ряд других лиц, фамилии которых я сейчас не помню.

Шмидт доложил мне, что им завербован его начальник штаба бригады полковник Киселев и комиссар батальона Журавченко.

Не то Туровский, не то Саблин докладывал мне о том, что завербовал начальника штаба Киевского укрепленного района полковника Семенова.

Знаю, что также был завербован командир отдельного пулеметного батальона, затем командир полка Новоград-Волынского укрепленного района Скальберг или Штальберг, фамилии я точно не помню. Его завербовал, кажется, Саблин.

Кто-то из участников заговора сообщил мне о вовлечении в заговор инструктора Политуправления Киевского военного округа Концевого, комиссара Киевской пехотной школы Журавлева и б.начальника Броне-танкового отдела штаба округа, теперь начальника штаба 45-го механизированного корпуса Попов. Из разговоров Попова со мной на последних корпусных сборах 1937г. я вынес впечатление, что он действительно в курсе заговора.

Должен добавить, что Туровский, Гермониус, Саблин, Шмидт, Лапин и другие видные участники заговора докладывали мне о том, что ими ведется дальнейшая вербовка членов заговора, причем каждый из них называл цифры завербованных, примерно 5-7-8 человек.

Чтобы не возвращаться больше к лицам, лично мною вовлеченным в заговор показываю, что в 1936 году я завербовал командира 15-й стрелковой дивизии Гудкова.

Передо мной особо стоял вопрос о червонных казаках - бывших командирах корпуса Примакова.

Кроме завербованного мною командира 1-й червонно-казачьей дивизии Никулина, с другими командирами конницы я прямых разговоров не имел, но раз летом 1936 года в Шепетовке я имел наводящую беседу с командиром 7-го конного корпуса Григорьевым П.П. Я не ставил перед ним прямо вопроса о нашей организации, ибо знал его резкое недовольство Буденным я полагал, что могу на него рассчитывать как на "своего" человека. Повторяю, Григорьева в организацию я открыто не завербовал.

Командир 1-го стрелкового корпуса Демичев - человек небольшого развития, хотя он бывший примаковец, я его также не вербовал, но также рассчитывал на него, как на человека, работающего со мной очень много лет.

В 1936 году к коменданту Тираспольского укрепленного района Труханову приезжал зам.комвойск Уральского военного округа Василенко М.И. Не могу сказать с полной точностью - завербовал ли Василенко Труханова в антисоветский военнотроцкистский заговор, но ряд фактов из деятельности Труханова и состояния укрепленного района говорит о том, что он завербован. Когда я буду показывать о проведенной мною вредительской работе в Киевском военном округе, я еще коснусь деятельности Труханова.

Кроме перечисленных здесь лиц, я имел все основания рассчитывать на коменданта Могилев-Подольского укрепленного района Раудмеца, мной не завербованного, но имеющего целый ряд иностранных связей, обиженного и антисоветски настроенного. Не вербовал я его потому, что знаю его как болтуна.

В целях реализации на Украине намеченного центром военного заговора плана, в конце 1933 или начале 1934 года я начал устанавливать связи с украинскими националистическими элементами. Делал я это очень осторожно через одного из руководителей украинского троцкистского центра Голубенко. Голубенко был связан с Коцюбинским, который его информировал о ряде националистических групп среди украинской интеллигенции, однако, установить контакт с украинским националистическим подпольем мне не удалось из-за разгрома в 1933-34г.г. украинских националистических организаций и ухода в глубокое подполье сохранившихся от разгрома.

Кроме того, я в этом вопросе рассчитывал на командиров с националистическим прошлым, в частности на командира корпуса военно-учебных заведений Копыловского, бывшего боротьбиста, имевшего большие националистические связи среди украинской интеллигенции, в частности с группой Христовского. Копыловский женат на бывшей жене расстрелянного украинского контрреволюционера Миколюка, с которым он лично был тесно связан, но ввиду того, что о Копыловском часто поступают в НКВД агентурные материалы, я не торопился с его вербовкой, боясь, что он будет арестован.

В самое последнее время Копыловский, раньше более чем хорошо ко мне относившийся, изменил свое отношение ко мне и стал резко выступать против меня.

На таком же учете, как Копыловского, я держал ряд командиров - галичан, как например: командира учебно-танкового батальона 4-ой танковой бригады Петрицу, бывшего начальника авто-бронетанковых войск 44 дивизии Кулиш, затем он работал в 8-ой механизированной бригаде, начальника Политотдела Киевского укрепленного района галичанина Ковалишина и ряд других. Надо сказать, что и при отсутствии организационной связи с украинской националистической контрреволюцией я рассчитывал на ее использование при нашем выступлении, перед которым в любое время мог установить организационные связи. Как член центрального

комитета КП(б)У и пользовавшийся доверием в органах НКВД Украины, — я всегда имел возможность получать материалы о состоянии украинского националистического подполья.

Говоря об использовании в интересах нашего заговора украинских элементов, надо здесь указать на то, что я поставил перед Гермониусом и Саблиным задачу обработать и вовлечь в заговор председателя Винницкого облисполкома Трилисского, бывшего боротьбиста и второго секретаря Винницкого обкома Бегайло. Я поставил перед ними эту задачу потому, что знал о националистических настроениях Трилисского и имел материалы НКВД Украины и ЦК о том, что Бегайло проходит по делу польской контрреволюционной организации. Не могу сказать с уверенностью завербованы ли Трилицкий и Бегайло.

Наряду с тем, что я развертывал работу по вовлечению в заговор командиров частей Киевского военного округа, я рассчитывал на возможность использования большого количества командиров, исключенных в разное время из партии. В Киевском военном округе таких командиров имеется свыше полутора тысячи человек, из них около 400 исключены одновременно по политическим причинам. Эта категория людей, в значительной своей части, сохраняя враждебные к партии настроения, в последнее время менее попадала под удары органов НКВД Украины, благодаря тому, что органы НКВД Украины ослабили внимание к беспартийным. Я предложил членам нашей организации держать эту категорию исключенных на учете и использовать их в случае нужды. Такие же расчеты были у меня и в отношении командиров, служивших в белых армиях, недовольных своим положением из-за замедленного продвижения и неуверенности в завтрашнем дне. Таких командиров в Киевском военном округе имеется около тысячи.

Как при захвате власти, так и при наступлении польско-германских войск, эти люди значительно усилили бы ряды нашей организации.

К этому надо прибавить, что мне было известно о большом количестве участников троцкистских и правых организаций на Украине среди гражданского населения, с которыми прямой связи мы не держали, но на которых мы в любое время могли вполне рассчитывать. Об этих кадрах я был ориентирован Голубенко и частично Тухачевским, который черпал эти данные от Пятакова и Енукидзе.

Бывая часто в Москве по служебным делам, я, как и Уборевич, имели возможность систематически собираться у Тухачевского и обсуждать с ним работу нашего военного заговора.

На одном из таких совещаний осенью 1934 года Уборевич и я докладывали о результатах вербовки людей и первых результатах по вредительской работе. Я поставил тогда перед Тухачевским вопрос о том, что в целях усиления вредительской работы в укрепленных районах, хорошо было бы, если бы он обеспечил задержку поставки ряда элементов оборудования укрепленных районов, в частности противохимического. Это сильно ослабило бы все укрепленные районы. Действительно, через Инженерно-химическое управление поставка оборудования была замедлена и частично до сих пор еще недослана и не поставлена в укрепленных районах.

В этот же раз я информировал о том, что проводящаяся на Украине реорганизация войск, продвижение их к границе, формирование новых кавалерийских дивизий и механизированных бригад, которые не будут готовы в полной мере к 1936 г., делают лето 1936 года особенно подходящим для польско-германского вторжения на Украину.

По информации Уборевича и в Белорусском военном округе в 1936 году будет такое же положение с новыми формированиями.

Тухачевский со своей стороны проинформировал нас о большой вредительской работе, которая ведется под его руководством в управлениях вооружения армий, особенно в Артиллерийском, благодаря чему затягивается выпуск совершенно необходимых армии образцов оружия, в особенности пушек и гаубиц.

Остановлюсь на одной из следующих встреч, происходивших в кабинете у Тухачевского в 1935 году в том же составе участников, заслуживающей внимания. Тухачевский сообщил нам тогда о большой работе, развернутой Корком в Московском военном округе по вербовке людей и вредительстве. Далее, Тухачевский информировал нас об участии в заговоре Эйдемана, который, в связи с большой засоренностью кадров Осоавиахима, развертывает там антисоветскую работу, благодаря чему мы можем рассчитывать на кадры Осоавиахима.

Во время одной из моих встреч с Эйдеманом в Киеве в 1936 году он сообщил мне об участии в заговоре председателя Осоавиахима Украины Попова Никифора.

При одной из встреч с Тухачевским во второй половине 1935 года он сообщил мне, что поставил перед правительством и Наркомом Обороны вопрос о реорганизации пехотной дивизии в легкую 5-6-тысячную дивизию. На мое замечание, что это слишком очевидная нелепость, которая вызовет подозрение со стороны Ворошилова и правительства, он ответил, что все же будет защищать это предложение. Предложение было явно вредительским и имело целью внести дезорганизацию в правильное решение вопроса о стрелковых войсках. Только благодаря тому, что Наркому и правительству стало ясно, что это сознательная враждебная работа, — было принято впоследствии правильное решение о стрелковой дивизии.

Еще осенью 1935 г. при встрече моей и Уборевича с Тухачевским в Москве у него на квартире, он развил перед нами вопрос о так называемом дворцовом перевороте. Он указал на то, что рассчитывает на совместные действия по организации переворота как чекистов, участвующих в охране Кремля, так и военной охраны, в первую очередь на кремлевскую школу.

По времени переворот и захват руководящих работников партии и правительства происходит тогда, когда в основном будет закончена подготовка Гитлера к войне. Ориентировочно это должен быть 1936 г. Как на непосредственных организаторов этого дела он указывал на Енукидзе, Егорова —

н-ка Кремлевской школы и чекистов, фамилии которых не помню, кажется речь шла о Паукере.

Дворцовый переворот должен был быть поддержан рядом выступлений организации в других крупных городах Союза.

Мной в Киеве, для выполнения этой задачи, была подготовлена бригада Шмидта, которая, будучи поднятой по тревоге якобы с целью защиты украинского правительства в связи с восстанием в Москве, должна была обеспечить захват партийного и советского руководства Украины.

В это же время, как мною было подготовлено, должен был произойти захват власти Гермониусом в Виннице, Никулиным - в Проскурове, заблаговременным предупрежденным Раудмецом в Могилев - Подольске, и в ряде других пунктов Украины.

Я не могу точно сказать, как это дело было подготовлено в Белоруссии и в других центрах Союза, но такая задача центром была поставлена перед Уборевичем и другими командующими - участниками заговора.

В случае неудачи переворота, нами был разработан подробный оперативный план поражения Красной армии, в предполагавшейся войне на основных направлениях наступления польско-германских армий.

План этот нами разрабатывался на двух совещаниях, имевших место в начале 1935 года у Тухачевского. В разработке его участвовали Тухачевский, Якир и Уборевич.

Исследуя варианты возможных действий польско-германского блока, мы считали наиболее целесообразным для поражения Красной армии: а) украинский - с захватом противником Правобережья и б) северо-восточный - с ударом по Ленинграду и к югу от него, отрезая весь советский север и северо-запад.

В целях реализации украинского варианта, мне надлежало провести большую подготовительную работу. Она заключалась, во-первых, в том, что участок фронта от Барановки на Случе Новоград-Волынского укрепленного района и до Днестра должен был иметь резкое ослабление боеспособности.

Для этого я принял ряд мер к тому, чтобы оборудование левого фланга Новоград-Волынского укрепленного района, главным инженером которого был участник заговора инженер Луков и Летичевский укрепленный район, руководимый участником заговора Саблиным, был бы ослаблен по боеспособности. Ряд точек этих укрепленных районов не имел полного обстрела, в них отсутствовали перископы, не было совершенно прожекторов для ночных действий. Связь в некоторых батальонных районах была подстроена вредительски.

Противохимическое оборудование в значительном количестве точек было небоеспособно или совсем не поставлено.

Вторым серьезным моментом в организации поражения на Правобережьи был вопрос об использовании конницы. Перед началом наступления польско-германских войск, я, как командующий войсками, без большого труда, рядом распоряжений предполагал внести замешательство в действиях конницы, направив ее не в тех направлениях. Кроме того, к этому времени в коннице имелся уже ряд участников заговора, как например, командир 1 кавалерийской дивизии Никулин.

Третьим, очень существенным моментом, являлся вопрос о замедлении сосредоточения к границе двигавшихся по железным дорогам войск. Это я предполагал обеспечить путем зашивки ряда узлов, в частности, Фастовского, Казатинского и Жмеринского, я говорил с Лившицем и получил от него заверение, что это будет исполнено троцкистами, работающими на юго-западной жел.дор.

Эти три мероприятия безусловно должны были обеспечить быстрое продвижение польско-германских армий к Днепру и разгром ряда красноармейских частей на Правобережьи.

На случай реализации немцами северо-восточного варианта, аналогичная задача стояла перед Уборевичем на его правом фланге и на стыке с Ленинградским военным округом.

В 1936 году на военной игре Тухачевский прорабатывал вопрос о разгроме армий белорусского фронта ударом из Литвы и Пружан по флангам Уборевича.

В 1937 году Тухачевский прорабатывал вариант разгрома советских армий юго-западного фронта ударом из районов Ронто-Тарнополь. В обоих случаях у него получалась неудача - оказалось, что сил, которыми располагает фашистский блок к 1936 году, недостаточно для разгрома советских армий. Кроме того, по своей небрежности Тухачевский их еще разбросал. Эти выводы он должен был сообщить немцам и возможно, что это наряду с разгромом троцкистов, зиновьевцев и правых, сыграло роль в оттяжке наступления польско-германских войск на Советский Союз.

На двух встречах после военных игр в Москве, мы после каждой крупной игры устанавливали, что сил Красной армии против польско-немецкого блока и их распределение недостаточно и может способствовать поражению. Кроме того, я лично считал пороком в развертывании красных армий, чрезмерное насыщение конницей, неизбежно долженствующей нести очень тяжелые потери от германской авиации и химии и это само по себе, как мне представлялось, тоже должно было облегчить выполнение наступательных задач польско-германских войск и нанесение поражения красным армиям.

В начале 1935 года, после первой проработки оперативного плана обеспечения поражения красных армий, Тухачевский сообщил мне, что разработанный нами план он согласовал с немцами и они против наших наметок не имели возражений. Он мне не говорил тогда через кого именно он согласовывал этот план с германским генеральным штабом и я специально этим вопросом не интересовался, так как из предыдущей информации Тухачевского мне было известно о его связях с полковником Кестрингом - германским военным атташе в Москве.

Говоря о сношениях Тухачевского с германским генеральным штабом, должен здесь сообщить следующее: кроме связей Тухачевского с германским генеральным штабом через полковника Кестринга, он лично дважды в Берлине связывался с германским генеральным штабом, в частности при поездке его в 1936 году на похороны английского короля, он передал генералу Румштедту ряд материалов о дислокации войск Белорусского и Украинского военных округов.

Со слов Тухачевского, мне известно, что связь с Троцким он поддерживал через Путна и через Пятакова. Других лиц, через которых он поддерживал эту связь, Тухачевский мне не называл, но мне известно, что эта связь была довольно частая. Об этом говорит хотя бы следующий факт:

За последние годы Нарком Обороны три раза предлагал мне перевод в Москву на работу в центральном аппарате. В последний раз я получил предложение Наркома перейти на работу начальника воздушных сил РККА. Я посоветовался с Тухачевским и Уборевичем. Первый настойчиво предлагал мне переезжать в Москву, считая, что я здесь сумею принять более непосредственное участие в работе центра право-троцкистского военного заговора. Я и Уборевич считали, что полезнее нам (ибо если я отказывался, вопрос возникал о переводе Уборевича) оставаться на местах, что оставлять мне Украину, на которой у меня такое количество связей — нельзя. Особенно я опасался, что в случае перевода может начаться разгром моих кадров, в первую очередь людей, вовлеченных в организацию. Примерно через месяц Тухачевский позвонил мне и сказал, что мое решение правильно и одобрил меня. Я проявил максимум настойчивости и добился отмены уже состоявшегося решения правительства о моем назначении в Москву. Позже я узнал от Тухачевского, что этот вопрос докладывался Троцкому, причем последний, придавая решающее значение Украине, счел мой перевод в Москву нецелесообразным. Через кого Тухачевский запрашивал Троцкого по этому вопросу — мне неизвестно.

На случай моего перевода, я два раза говорил с Наркомом о кандидатурах на КВО и ХВО. По моему предложению нарком намеревался на Киев назначить Дубового И.Н., а на Харьков — Гарькавого И.И.

Такое перемещение при моем назначении в Москву, меня, как участника центра, вполне устраивало, ибо с Дубовым у меня были очень хорошие личные и служебные отношения, мы долго вместе работали, он знал всех украинских командиров и не стал бы их разгонять, а Гарькавый был членом организации и попадал снова на Украину к более известным ему кадрам. Кроме того, в этом случае он мог бы оказать организации большую услугу установлением националистических связей.

Вообще мое положение позволяло мне в ряде случаев обеспечивать назначение членов организации на ответственные посты. Я продвигал и добился назначения заместителя командующего войсками Туровского, командующего войсками Гарькавого, поддерживал предложение Уборевича о назначении к нему заместителем в БВО Примакова, что нарком отклонил, и ряд других серьезных назначений.

Редко нам не удавалось провести назначение нужного человека, если мы с Уборевичем предлагали одно и то же. Часто в этих случаях нарком, сопротивляясь, обращался к Фельдману, требовал других кандидатов, но тот, будучи участником заговора, как правило, доказывал, что предложенный нами командир наиболее подходит. Перемещение кадров и их выдвижение в пределах округа, осуществлялось еще проще, ибо Фельдман штамповал контрольные листы, докладывавшиеся мною наркому.

Мои совместные с Уборевичем выступления по ряду организационных вопросов, принятых штабом РККА, приводили часто к их отмене. Этим мы преследовали цель дискредитации руководства штаба.

Работавшие в штабе Алафузо и его помощник Сатин, являющиеся, очевидно, участниками заговора, вели большую вредительскую работу по организационным вопросам. Все это вместе взятое приводило к дезорганизации штатной и организационной работы штаба.

Как я уже говорил выше, связей с троцкистскими и правыми центрами у нас почти не было, так как Троцкий категорически требовал абсолютной конспирации военного заговора и полной его самостоятельности. И все же, изредка на наших совещаниях мы получали сообщения о сношениях Тухачевского с Пятаковым, главным образом, информационного порядка. Я информировал о работе украинских троцкистов в общих чертах, ибо осторожно и обиняком получал данные у Голубенко и Логинова при встречах с ними во время пленумов ЦК и сессий Украинского ЦИК"а. Один раз такую же информацию о работе троцкистов давал нам Уборевич, со слов Радека, приехавшего в Смоленск делать доклад о международном положении командирам Белорусского округа.

Раз я информировал Тухачевского в присутствии Уборевича о моей встрече в начале 1936 года в Киеве с Серебряковым, который имел со мною разговор о проводящейся им вредительской работе в шоссейном и железнодорожном деле. Судя потому, что Серебряков обратился ко мне прямо, думаю, что он был информирован о моем участии в заговоре Пятаковым.

В 1936 году на заседании военного совета командующий Уральским военным округом Гарькавый, участник нашего военного заговора, говорил мне о развертывании им антисоветской работы в Уральском военном округе, в частности вредительской и в строительстве аэродрома на Урале.

В 1937 году Гарькавый приезжал ко мне в Киев и рассказывал о своей вредительской работе в боевой подготовке округа.

В конце 1936 года в Киев приехал Уборевич без разрешения наркома обороны. Между мной и Уборевичем состоялась беседа о положении на стыке фронтов Белорусского и Украинского военных округов с точки зрения наших пораженческих планов.

Мы установили, что несмотря на лесистый и болотистый характер этого стыка между Мозырем и Коростенем он, при недостаточной обороне его с нашей стороны, может явиться плацдармом для проникновения польско-германских частей.

В этот же приезд Уборевича, я информировал его о ходе дел нашей организации на Украине, а он информировал меня о ходе дел в Белоруссии и Западной области, в частности Уборевич говорил мне о наличии у него плана захвата власти в ряде гарнизонов в случае переворота в Москве.

Рассказывая мне о своей антисоветской работе в Белорусском военном округе, Уборевич говорил мне о своих очень хороших отношениях с председателем Совнаркома Белоруссии Голодедом, который очень внимателен ко всем вопросам и оказывает ему всемерную помощь. В свою очередь Уборевич оказывает также Голодеду большую поддержку, как в Москве, так и в местных организациях.

Я должен сообщить следствию, что в последние годы я часто встречался с заместителем наркома Гамарником, с которым вел разговоры о моем недовольстве руководством Наркомата Обороны. Гамарник в этих разговорах также критиковал руководство и высказывал недовольство состоянием дел в Наркомате. Однако, зная Гамарника как человека не храброго десятка и не имея полномочия от нашего центра, я не делал попыток к вовлечению его в наш заговор.

Мной при помощи вовлеченных в заговор участников в Киевском военном округе проведена большая вредительская работа.

В дополнение к тому, что мной выше сказано о вредительстве в работе по постройке и особенно оборудованию укрепленных районов, и в первую очередь Летичевского, сообщаю, что работа эта проводилась под руководством начальника инженеров Лапина Арнольда - военного инженера и большой группы инженеров укрепленных районов - Максимова, Жукова, Сосульникова и других, в числе около 20 человек.

Вредительство в оборудовании укрепленных районов заключалось главным образом в некомплектном оборудовании боевых сооружений, в отсутствии фильтров, вентиляторов на большом количестве точек.

Кроме того, уже в период закладки боевых сооружений, ряд из них был посажен низко, благодаря чему имеет ограниченный обстрел и требует очень больших дорогостоящих земляных работ.

Значительная вредительская работа проведена в деле ремонта и снабжения танковых частей, в первую очередь это достигалось путем плохого ремонта танков на Дарницком бронетанковом ремонтном заводе. Завод затягивал ремонты танков на многие месяцы, до года и делал их очень плохо.

Вредительство имело место в снабжении запасными частями танков. Остродефицитные детали совсем не заказывались или в ничтожном количестве, например, сферический подшипник совершенно отсутствующий в войсках, в то же время ряд малонужных деталей, заказывался в огромных излишних количествах.

На Дарницком заводе под Киевом сидела крепкая группа вредителей инженеров, дезорганизовавших ремонт. Все они сейчас, кроме одного — заместителя главного инженера, арестованы.

Развернутое вредительство имело место в строительстве красноармейских городков.

На ряде строительных участков казарм, домов начальствующего состава и складов, в частности в Чернигове, участником заговора вредителем Благаевым в Умани, Черкассах, Тульчине и ряде других пунктов, неправильно заложены фундаменты, неправильно выложены стены и, главное, ряд сооружений поставлен на плохом грунте с большим наличием подпочвенных вод.

Кроме этого, сама производственная строительная работа произведена в ряде мест исключительно плохо.

Все это нанесло очень большой ущерб строительству и вызвало резкое недовольство бойцов и командиров. До 10 начальников строительных участков в Киевском военном округе уже арестовано.

Со слов Серебрякова мне известно, что вредительство проводилось на строительстве шоссейных дорог и мостов и что руководил этим вредительством военный инженер Енокьян.

Вредительство заключалось в неправильных проектах, в первую очередь водоотводных канав и кюветов, благодаря этому каждую весну из-за задержки воды распирались и разрушались большие участки только что построенных дорог.

Я не знаю в деталях о вредительстве на железных дорогах Украины кроме того, что раз был информирован Лившицем о вредительской работе начальника юго-западных дорог Зорина и его людей, в частности, о вредительстве как в постройке, так и в проекте Казатинских — нового и старого — железнодорожных узлов.

Нами велась работа явно вредительская по сознательному недообучению решающих специальностей приписного состава и прежде всего приписанных к пулеметным батальонам и дивизионам укрепленных районов. Это должно было привести к тому, что большинство бойцов в бетонных точках не владели бы своим вооружением. Тем самым резко понижалась боеспособность укрепленных районов.

Эту работу проводили члены организации Саблин, бывш. командир Миропольского полка полковник Скальберг или Штальберг, фамилии точно не помню, и по результатам видно, что и Раудмец.

Аналогичное положение имеет место у коменданта Тираспольского укрепрайона Труханова, что подтверждает мое предположение о его вербовке М.Василенко.

Всеми этими вредительскими делами, проводимыми нашей контрреволюционной организацией по моим указаниям, нанесен значительный ущерб боеспособности Киевского военного округа.

Я не говорил об отдельных частях, как например 8-я мехбригада, где Шмидт своей вредительской работой развалил буквально бригаду. Это мне докладывалось, но я его покрывал.

Большое вредительство было проведено в противовоздушной обороне страны и округа, что ставит под удар авиации польско-германского блока наши узлы и важные стратегические пункты.

В Киевском округе вредительством в противовоздушной обороне по моему заданию руководил бывший начальник ПВО округа комбриг Швачко. Очковтиратель, он умел всегда показывать начальству, в том числе людям из центра, якобы хорошо работающую противовоздушную оборону. Он отбирал лучшие батареи, лучших пулеметчиков и наблюдающим казалось, что мы располагаем боеспособными средствами борьбы с авиацией противника. На самом же деле ему удалось дезорганизовать связь, без которой нельзя вести огня и сильно подорвать состояние материальной части. В частности дальномеры, без которых нельзя открывать огня, больше чем на 50% были выведены из строя и отправлены в ремонт, который длится до года. Некоторые вопросы огромного значения затягивались реализацией членами организации на годы. Баржи для плавучих батарей, долженствующих работать на Днестре по охране мостов, тормозились производством три года и будут готовы, да и то неточно к осени 1937 г. Эта работа без вредительства могла легко быть законченной в год.

Запутана была мобилизация зенитных частей, что при никуда негодном штате должно было привести к небоеспособности их. Огневые позиции ряда батарей были выбраны так, что под"ехать к ним из-за отсутствия дорог нельзя. Снаряды на батареи подавались с большим запозданием.

Служба оповещения совершенно расстроена, правда, это уже дело московских вредителей из ПВО, не знаю кого точно. Фактически они привели к такому положению, что сейчас в округах не существует службы оповещения.

Благодаря почти территориальному составу частей ПВО вредительство в обучении приписного состава также понижало боеспособность частей ПВО.

Все дело ПВО надо тщательно проверить, количественно увеличить и поднять, исправив большие последствия нашего вредительства.

По войсковому хозяйству. Несмотря на принятие ряда мер по улучшению хозяйства после хозяйственного совещания при ЦК вредительство в военном хозяйстве продолжалось.

Вопрос о ростовках обмундирования ставит ряд частей в тяжелое положение. Подковы производились только очень большие и очень малые, средних же, годных дляковки, почти нет.

Качество обмундирования и особенно обуви при вредительски поставленной приемке обозно-вещевым управлением у промышленности остается в ряде случаев отвратительным.

Вредительством со стороны вещевого управления была постоянная массовая переброска обуви из округа в округ, лишавшая части возможности пред"являть свои претензии промышленности.

Кроме того, вредительство имело место в ряде подсобных хозяйств округа, в частности, в подсобном хозяйстве бригады Шмидта, где были растраты, достигавшие полумиллиона рублей.

Результаты вредительства в боевой подготовке войск не могли быть значительны, так как наряду с вредительством я провел большую положительную работу на играх, учениях, маневрах, ибо, во-первых, во мне всегда было два Якира - один красноармейский, советский, другой - враг, во-вторых, в моем положении человека на виду я должен был делать эту работу, чтобы не быть обнаруженным.

Года три тому назад обратился ко мне мой сослуживец по гражданской войне Левинзон с просьбой порекомендовать его на работу в военное ведомство. Я предложил его Ворошилову на финансовое управление, но Хрулев отказался тогда пойти на строительное управление и Левинзон был назначен начальником Строительного управления.

Знаю, что громадное количество технических проектов, в частности всех печей, опасных в пожарном отношении, ангары, пятитысячных, складов и прочих сооружений, были явно вредительскими.

Левинзоном была развернута большая вредительская работа, которая принесла большой ущерб государству и Красной Армии.

В 1936 году я узнал, что параллельно по хозяйственной линии, имея непосредственные указания из Москвы, вредительской работой занимался Петерсон, помощник по материальному обеспечению в Киевском военном округе.

Значительный вред организацией право-троцкистского военного заговора нанесен материальному вооружению армии. Особенно значимо в этом вопросе о дивизионной пушке, с производством которой АУ затянуло дело на годы, а также с убойностью и разрывной силой наших снарядов.

Мне известно со слов Уборевича и Тухачевского, что большая вредительская работа проделана по управлению связи, особенно по радиостанциям, по химическому управлению и по инженерному управлению РККА, где сидело много инженеров-виновцев как в Москве, так и на местах.

Когда начались аресты участников военного заговора, благодаря Фельдману нам удалось вывести из-под удара ряд участников путем перевода их с места, где они были на подозрении; на Дальний Восток был переведен военный инженер Лапин, на строительство - военный инженер Жуков, в академию Генерального штаба Швачко и ряд командиров 8-й бригады Шмидта в другие округа. Благодаря этому до сих пор командует 28-м мехполком нач. штаба Шмидта полковник Киселев - участник заговора.

Таким же образом в свое распоряжение Фельдман взял полковника Семенова, бывшего командира 173 полка, члена организации. В спасении наших людей путем перебросок Фельдман проявлял большую оперативность и быстроту.

В феврале 1937 года в связи с новыми арестами некоторых командиров, участников заговора, Тухачевский предупредил меня и Уборевича о необходимости быть чрезвычайно осторожными. Этот разговор происходил на даче Тухачевского в присутствии Уборевича. Об этом же он повторно говорил в своем кабинете в присутствии Корка.

Я забыл указать, что с Корком, как с членом военного центра, я встречался дважды у Тухачевского. Об этом - дополнительно.

В одном из разговоров с Тухачевским в феврале 1937г. о начавшемся провале нашего заговора, он сказал мне, что я должен взять в свои руки дальнейшее руководство заговором, так как ко мне относятся в партийных и правительственных сферах с полным доверием и вряд-ли я буду арестован.

В крайнем случае, если и я провалюсь, то руководство должен взять на себя Уборевич, который по всем показателям остается вне подозрений, так как в его округе почти не было арестов участников заговора.

Когда Корк был у меня в мае 1937 г. в Киеве, я говорил ему, что думаю перенести центр военного заговора по месту моей новой работы.

Как видно из этих моих показаний, наличие большого количества завербованных на Украине командиров и полное доверие, с которым относилось ко мне подавляющее большинство прочих командиров и политработников округа, в этом причина того, что я не особенно расширял круг вербуемых, обеспечивало на Украине выполнение двух основных требований Троцкого и Германского Генерального Штаба: организацию переворота на Украине и обеспечение поражения наших армий на Правобережье в случае наступления в 1936 или 1937 г. польско-немецких войск.

Спасением для страны явилась оттяжка вторжения польско-германских войск, произошедшая, несмотря на ряд торопящих

- 26 -

нажимов со стороны Троцкого (это передавал нам Тухачевский со слов Пятакова) и главное - разгром нашего исключительно опасного заговора в рядах Красной Армии. Не случись этого, мы поставили бы в исключительно тяжелое положение Советское государство.

Мы изменили партии, Советскому государству и нашему народу, мы нарушили красноармейскую присягу и должны понести самую тяжелую кару. В следующих своих показаниях я буду вспоминать и сообщу о дополнительных делах и людях нашего заговора с тем, чтобы полностью и до конца доказать свое искреннее раскаяние.

ЯКИР

30-не,лл
ня